

*Свобода — как солнце.
Лучше нее нет ничего на свете.
У тех, кто жертвует собой ради
людей, в груди вместо сердца
горит звезда... **
Жоржи Амаду. Капитаны песка

ПРОЛОГ

У-у-у... Парнишка, беги отсюда! Этот злощип и кусачий мир, про который я тебе сейчас расскажу, точно не для тебя. В этом мире выживают только парни вроде нас. Ребята с накрепко пришитыми к нашей одежде бирками:

ИЗГОЙ.

СОЦИАЛЬНЫЙ МУСОР.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БРАК.

ПОДЛЕЖИТ УТИЛИЗАЦИИ.

Парни вроде нас. Дети из Чертоги. Потомки ссыльных и каторжан.

Дети, которых выкормили и воспитали шахты.

Да, это мы.

Мы, дети золотых рудников.

Дай мне руку, парнишка. Или ты девчонка? Если девчонка — не обижайся, но я все равно буду звать тебя парнишкой. Я проведу тебя в свой мир. Мир, в котором ты никогда не был.

* Перевод с португальского Е. Беляковой.

Отправимся на окраину Чертоги, на баржу.

Видишь эту ржавую посудину? Эта баржа некогда стояла в чистых голубых водах, заполнявших огромный карьер. А теперь она погрязла в щелочно-цианистых отходах золото-перерабатывающего комбината. Этот отстойник с отходами чертовски опасен, возле него стоят лишь иссохшие скелеты деревьев, а на его берегах частенько можно обнаружить птичьи трупы.

На комбинате работает все наше чертожское бабье. Мужики у нас на рудниках вкалывают, золотую руду выкапывают, а бабоньки ее в золото перерабатывают. Занятие это довольно вредное: они добытую руду цианируют и выщелачивают, отходы сливают в отстойник, который залит уже до краев и скоро выйдет из берегов. И тогда потоки химической дряни затопят город.

Видишь на барже толпу мальчишек? Все они смотрят вниз, улюлюкают и веселятся. Подойди поближе, и ты увидишь, как у самого края баржи белобрысый мальчишка с перекошенным от ярости лицом пытается, держа его за шею, утопить в шламе другого мальчишку.

Другого мальчишку зовут Кирилл Бобров. Вот, теперь ты познакомился со мной. Ты пока что видишь только мои ноги — белобрысый по-хозяйски сидит на них. А все туловище погружено в буро-зеленую густую массу высокотоксичных отходов. Руки белобрысого крепко держат меня за шею, не давая поднять голову над поверхностью отстойника и глотнуть спасительного воздуха.

Клейкая цианистая дрянь проникает в нос и рот, ужасно жжет во рту, в носу и глазах. Я колочу по чужим рукам, царапаю их, пытаюсь оторвать их от меня.

Я боюсь. Мне страшно быть погребенным под толщей отходов.

Еще несколько секунд — и мне капец. Цианистый калий, содержащийся в этом шламе, скоро поступит в мой организм и перегородит воздуху путь к клеткам. В результате этого клетки перестанут воспринимать кислород, приносимый кровью. Наступит кислородное голодание. Я умру в мучительной агонии.

А чужие руки сдавливают шею все сильнее.

Это руки человека, который когда-то был моим лучшим другом.

Хм. Есть ли где-то на Земле такое райское место, где друзья не топят друг друга в химическом болоте? Где дети не похожи на заболевших бешенством диких зверей?

Есть ли такое место, где парни вроде нас живут нормально, в достатке смогут просуществовать хотя бы до шестнадцати?

Я знаю одно такое место, правда, оно находится далеко, годах этак в десяти-пятнадцати отсюда. Там живешь ты. Или будешь жить, когда подрастешь.

Спокойный «маятниковый» образ жизни: работа — дом, поход в кино в пятничные вечера и боулинг по субботам, жизнь, в которой самая страшная опасность — это вовремя не внести платеж по кредиту.

О, вашу мать, как же я хочу туда, где нужно думать о том, как приобрести телевизор в рассрочку и как выкроить себе два дополнительных дня отпуска.

Но это так безумно далеко отсюда. Я буду топтать в ту жизнь десять долбанных лет. И тысячи гребанных верст. А пока, здесь и сейчас, парни вроде нас должны как-то выживать... Даже с цианистым калием в крови.

Мы живем в месте под названием Чертога.

В восемнадцатом веке здесь открыли огромное месторождение золота. Из столичных тюрем сюда сразу же отправили целые полчища осужденных. На каторгу.

Осужденные шли пешком. Длинной узкой колонной. Всех сковали цепями друг с другом, чтобы никто не сбежал.

Восемь тысяч верст ссыльные шли почти три года — это нам по истории в школе рассказывали. И многие вроде как умерли от голода и болезней еще в дороге.

Те же, кто дошел, построили здесь город.

Чертога. Никто не знает, почему это место так называют — то ли потому, что внешне неприветливые предгорья хранят в своем нутре огромное богатство — настоящие подземные чертоги. То ли... Могильная тишина этого места пробирает до мурашек. Как будто здесь находится обитель самого черта.

Город, построенный на холмах. А холмы у нас тут удивительные — покрытые яркой зеленью, покатые, похожие на волны. По ним туман стелется, как молочная пенка. Красотища. Хоть пиши картину маслом. Или стих сочиняй.

Справа от холмов — территория рудников. Расположенные на холмистых предгорьях здания, бункеры, подъемные установки, дробильные машины, мастерские и склады образуют надшахтный комплекс. А под землей — разветвленная сеть горных выработок — штольни и тоннели.

Чертога родилась благодаря каторжанам — это они ее выстроили.

Баракы, шахтные постройки, железные дороги, первый завод. Что-то из этого уже разрушено и заброшено, но большинство построек сохранилось. Мы с Архипом в детстве все неработающие шахты в округе излазили. Надеялись найти что-то удивительное — либо послание от каторжан, либо золотой самородок. Ничего не попало, конечно, но эмоции все равно били через край.

Архип... Почему конец дружбы означает у нас чью-то смерть? Почему бы людям, переставшим быть друзьями, просто не вернуть все посланные друг другу подарки и открытки? И просто перестать разговаривать и замечать друг друга? Ведь так обычно поступают с бывшими друзьями.

Почему надо убивать, топить друг друга?

Откуда в нас, жителей Чертоги, столько неоправданной жестокости?

Эх, чтобы разобраться в этом вопросе, наверное, надо копнуть глубже в историю.

Первые три сотни ссыльных построили здесь селение, которому дали название Чертога. Золота добывалось много, создавались новые шахты. Поселок рос. Возводились новые прочные дома, появились школа и больница, сменялись поколения, Чертога процветала.

Но все имеет предел, и наступило время, когда золотая руда в доступных местах подошла к концу. Добыча золота стала убыточной, и власти начали подумывать о закрытии предприятия. Но это ставило под угрозу жизнь всей Чертоги — три тысячи человек могли остаться без работы. Им было

некуда деться — в округе на сотню миль не было ничего, ни одного рабочего места. Они бы пропали, померли бы с голоду.

Власти приняли решение: рудники оставить, но расходы сократить.

Стали урезать зарплату, сокращать финансирование производства. Эх, столько подземных машин пропало — их просто перестали ремонтировать. Мы с Архимом, когда лазили в шахтах, обычно находили много разной техники — причем хорошей, просто съеденной временем.

Чертога стала приходить в упадок. И снова золото начали добывать и обрабатывать по старинке — вручную.

Вот в такой Чертоге мы выросли. Бедность. Грязь. Ветхие дома. Разбитые дороги. Безработица. Преступность. Ежедневное насилие. Частые убийства.

Человек, который не уверен, сможет ли он завтра поесть, вряд ли всегда будет добрым. Нельзя осуждать людей за их злобу.

Но злоба в сердца чертожцев вселилась не только из-за бедности....

Я захлебываюсь густой массой. Молочу ногами по барже — противник уверенно сидит на мне и погружает мою голову в вонючий ядовитый шлам. Все глубже. Вниз, к смерти.

Химическая отравка колет кожу. Я будто ткнулся мордой в муравейник.

Воздух. Мне так нужен воздух. Еще немного — и я отключусь.

Ты не устал еще от нудной истории, парнишка? Потерпи, урок скоро кончится. Пока я тут принимаю токсичные ванны, дослушай до конца...

В девяностых годах одна богатая американская корпорация отправила сюда иностранную бригаду, чтобы вести геологоразведочные работы. Началось бурение скважин. Работа оказалась успешной — открылось новое нефтяное месторождение.

Чертожцы с любопытством и опаской наблюдали за работой нефтяной компании. В сердцах жителей зародилась надежда на то, что появятся новые рабочие места, на светлое будущее... Но она угасла очень быстро, когда корпорация,

опасаясь, что дикие местные жители, недалекие потомки ссыльных и каторжан, могут нанести урон ее работе, отгородила территорию нефтедобычи сетчатым забором и ввела пропускную систему. Месту, где вырастет нефтяной городок экспатов, дали название Голубые Холмы.

И тогда отравленные токсинами жители Чертоги смекнули.

Прорыв в экономике, коммерческий успех, колоссальные инвестиции, современная сложная техника, квалифицированные работники, строительство дорог, развитие инфраструктуры — все это относится к экспатам и Голубым Холмам, соседу Чертоги. Но не к самой Чертоге.

Три тысячи людей, не знающие иностранного языка, которые все привыкли делать руками, которые не видели машины сложнее экскаватора — все они обречены, всем им и дальше предстоит гнить в их болоте. Они никому не нужны — нефтяная корпорация из разных частей мира привезет сюда своих работников, умнейших и лучших.

И тогда гнев чертожцев обрушился на соседей.

В Голубых Холмах построились первые дома. Фирменные автобусы привезли сюда первые семьи работников.

Чертожцы заваливали камнями новые дороги, вставляли перед автобусами, не пускали новоселов.

Поджоги, вандализм, митинги, на которых чертожцы кричали с яростью и злобой, выступая против того, чтобы по соседству с Чертогой строился новый поселок.

Недолго подумав, корпорация построила за сетчатым еще один забор — теперь уже глухой, из прочного бетона, поставив по всей его длине камеры, а также устроив несколько охраняемых пропускных пунктов.

В объезд Чертоги быстро проложили другую дорогу, чтобы жителей Голубых Холмов ничего не связывало с соседями.

Через три года строительство Голубых Холмов завершилось.

Теперь здесь живут люди со всего мира — из Америки, Германии, Нидерландов, Швеции, Франции...

Что сказать, у них там все круто.

Изумительные дороги, гладкие, будто сделанные из зеркала. Аккуратные домики в английском стиле, с крышей из черепицы и каменным фасадом, выкрашенным в несколько тонов. Дома стоят как по линейке, будто выстроились в колонны и собираются куда-то маршировать. Возле домов красуется газон, с такой густой и ярко-зеленой травой, будто он находится в собственной климатической зоне, а холода и бури, которые так часто случаются в здешних местах, обходят его стороной.

При строительстве поселка ориентировались на самые высокие стандарты. Пожарные гидранты, водостоки, канализационные люки — все привезено из США. В каждом доме есть Интернет, ловят все главные международные телевизионные каналы. Нет трещин в стенах, кривых окон и плохо уложенного асфальта. В Голубых Холмах не воруют, дети спокойно оставляют на улице велосипеды и игрушки, жители не запирают свои дома.

На работу их возят на фирменных автобусах, водитель автобуса тщательно проверяет, пристегнуты ли пассажиры. Здесь все соблюдают законы, заботятся о безопасности своих семей.

В Холмах живут очень дружелюбные семьи, по воскресеньям в хорошую погоду они зовут друг друга на барбекю, в плохую — приглашают друг друга в гости.

Все свое, автономное, доведенное до совершенства. Голубые Холмы — это маленькая страна, идеальная и правильная. Маленькая скучная община, огороженная прочным забором.

А за ее пределами — мир, где в грязи, болезнях и бедности свой убогий век влачат потомки каторжан.

Вот теперь, тебе, наверно, понятно, почему чертожцы так ненавидят экспатов.

Но я не экспат. И больше не чертожец. Чертов перебежчик. И нас таких тут двадцать человек...

Несколько лет назад власти приняли какую-то очередную социальную программу, направленную на сглаживание конфликтов между двумя такими разными коммунами. Они хотели, чтобы мы начали *коммуницировать*, то есть общаться. И чтобы преуспевающий поселок как-то помогал нам, бедным

и обездоленным. И в результате, после отбора, два десяткамышленных подростков из Чертоги отправили учиться в школу в Голубых Холмах, чтобы, получив приличное образование и изучив иностранные языки, в будущем они смогли стать работниками корпорации.

Живем здесь, учимся там. Вот таких, как мы, чертожские дети ненавидят больше всего на свете. Тех, кто растет вместе с ними в одном болоте, но у кого появилась надежда выбраться из него.

И теперь они всеми силами пытаются не дать нам свободу.

Крепко хватайся за мою руку. Мы отправимся на несколько лет в прошлое — когда Голубые Холмы только начали строиться. Мне тогда было лет восемь. В тот период я и познакомился с Архипом. Это было очень крутое время... У меня никогда в жизни не было такого классного друга, как Архип. А потом, когда я прошел отбор в школу в Голубых Холмах, дружба закончилась, и Архип очень захотел меня убить. Он стал убивать медленно, отрезая по кусочку.

Нам, перебежчикам, приходится несладко после отбора. У нас теперь всегда потные ладони, по всему телу — синяки, а сердце норовит вырваться из груди. Дети рудников нам мстят, причем жестоко. Мстят за то, что мы перестали быть с ними в одной лодке. Мы всегда начеку, в наших головах ежеминутно крутится одна-единственная мысль: «Бежать».

Архип быстро нашел мне замену — его близким другом и верным псом стал этот ублюдок Кит Брыков. Бешеный псих с мутным взглядом. Ох, когда я вспоминаю это имя, сразу же в боку колет. Брык однажды своими тяжелыми ботинками сломал мне два ребра. Сейчас его на барже нет — но если бы он был, то не дал бы Архипу делать эту грязную работу, сам бы утопил меня в шлеме. Но Брык где-то шляется... Даже не знает, что на барже сейчас происходит нечто интересное.

Итак, нас уже трое. Я, Архип и Брык.

Кто же четвертый?

На этот раз девчонка.

Милая немочка по имени Ханна. С очаровательными светлыми волосами, белесыми бровями, выдающимися скулами и таким острым подбородком, что мне всегда было ин-

интересно — если поднести воздушный шарик к подбородку Ханны, лопнет ли он?

Очаровательная девочка, переехавшая вместе с семьей в Голубые Холмы из промышленного района Франкфурта. Девочка, которой по непонятной причине не сиделось в ее уютной общине. Девочка, которой был чертовски интересен мир рудников.

Девочка, чью жизнь Архип очень старается превратить в ад. Он ненавидит Ханну так же, как и меня. За то, что она — немка. За то, что она — из Голубых Холмов. За то, что у нее есть все. За ее смелость и наглость — как она посмела покинуть свои Холмы и ступить своей поганой экспатской ножкой на земли, принадлежащие рудокопам?! И самое главное — он ненавидит ее за то, что она — девчонка.

Ханна тоже находится сейчас на барже. Стоит чуть в стороне, трясется от страха. Вся в грязи. Губы разбиты — ей здорово досталось от Архипа.

Мы с ней оба попали в лапы зверю. Нам не выбраться. Я тону в химическом шламе и молю бога о том, чтобы Ханну миновала такая же участь.

Ну что, ты готов?

Хватайся, и я покажу тебе нашу историю. Историю четырех детей золотых рудников.

ЧАСТЬ I
БОБЕР

